

Виктория Токарева

Виктория
Токарева

Извинюсь.
Не расстреляют

Издательство «Азбука»

КОМПЛЕКТ
ИЗ 2-Х КНИГ

Виктория
Токарева

Сказать - не сказать...

Издательство «Азбука»

Виктория Самойловна Токарева
Извинюсь. Не расстреляют.
Сказать – не сказать...
Комплект из 2-х книг
Серия «Виктория Токарева»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73912912
ISBN 978-5-389-33276-8

Аннотация

Виктория Токарева – известный писатель и сценарист; ее имя знакомо российским читателям и зрителям по любимым с детства фильмам: «Урок литературы», «Джентльмены удачи», «Мимино», «Шла собака по роялю», «Ты есть...». Особое место в творчестве автора занимают повести и рассказы. Теплые, живые, с мягким юмором, написанные неподражаемым, легким, «токаревским» языком, с симпатичными героями, которые порой напоминают нас самих: несутся по жизни, не успевая оглядеться, как на американских горках. Взлет – падение, любовь – расставание, радость – гнев. Но сквозь череду черных и белых пятен, калейдоскоп человеческих судеб и неразбериху чувств проступает главное: жизнь не тяжкое бремя, а божественный дар и за темной ночью придет рассвет.

В комплект вошли сборники рассказов и повестей Виктории Токаревой «Извинюсь. Не расстреляют» и «Сказать – не сказать...»

Содержание

Извинюсь. Не расстреляют	6
Извинюсь. Не расстреляют	6
Между небом и землей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктория Токарева

Извинюсь. Не расстреляют;

Сказать – не сказать...

Комплект из 2-х книг

© Токарева В. С., 1987, 1991, 1997

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Извинюсь. Не расстреляют

Извинюсь. Не расстреляют

Однажды я написала статью «Он и Она». Статью опубликовали, я успела об этом забыть, когда в моей квартире раздался телефонный звонок и женский голос потребовал меня к телефону.

– Это я, – призналась я.

– Можно, я к вам приду?

– А зачем? – спросила я, хотя это было не очень вежливо.

– Посоветоваться о жизни.

– А почему вы хотите советоваться именно со мной? – удивилась я.

– Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подходите.

Я растерялась от такого наивного доверия.

– Простите, а кто вы?

– Лида, – представилась незнакомка.

Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия.

– Простите, сколько вам лет?

– Сорок.

– А где вы работаете?

– На овощной базе.

Теперь образ Лиды предстал более объемно.

– Вряд ли я смогу быть вам полезна, – честно предупредила я.

– А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И все.

– Хорошо. Я вас жду.

Я продиктовала адрес и положила трубку. Положив трубку, я пожала плечами и бровями, хотя видеть меня Лида не могла.

Отворилась дверь, и вошла моя шестилетняя дочь.

– Ты умеешь делать так? – спросила она и заскакала, заводя одну ногу за другую. Такие па в балете называются «веревочка».

– Умею, – задумчиво сказала я, продолжая думать о Лиде. Мне не жаль было своего времени, а жаль напрасных Лидиных надежд.

– Покажи.

Я хотела отказаться, но тогда дочь очень бы удивилась и спросила «почему?» и мне пришлось бы объяснять, что взрослые люди отличаются от маленьких тем, что не хотят скакать по утрам. Дочь снова бы спросила «почему?», и беседа могла затянуться.

Я покорно и хмуро проскакала «веревочкой», пятясь при этом к окну.

Дочь внимательно смотрела на мои ноги, потом удовле-

творенно кивнула головой и ушла.

Я сняла трубку и позвонила любимой подруге Милке. Мы созваниваемся с ней каждое утро и проговариваем свою жизнь. Я свою, а она свою. Наша дружба – это не что иное, как потребность оформить в словах свои впечатления.

– Ко мне сейчас Лида придет, – сказала я Милке.

Милка работает врачом в районной поликлинике и, должно быть, одним ухом прослушивает больного, а у другого уха держит телефонную трубку.

– Какая Лида?

– Позвонила какая-то Лида. Хочет посоветоваться...

– Не пускай ни в коем случае! – предупредила Милка. – Ты знаешь, что сейчас в Москве творится?

– Что? – растерялась я.

– Она тебя убьет и фотокарточек наделает.

– А фотокарточки зачем?

– На память.

– А ты не можешь ко мне сейчас прийти? – испуганно спросила я.

– Как же я приду, если я на работе?

Я молчала.

– Ну ладно... – Милка вошла в мое положение. – Если она начнет тебя убивать, ты мне позвони.

Раздался звонок в дверь.

Я положила трубку и пошла навстречу своей судьбе.

Передо мной стояла женщина в синем бостоновом пальто с серым каракулевым воротником. Эту моду я застала, когда ходила в третий класс начальной школы.

Я поняла, что это Лида. Я поняла, что убивать меня она не собиралась, ей это даже в голову не приходило.

Я поняла: у Лиды тяжело на душе. Ей не к кому пойти, чтобы проговорить свою жизнь, и она пришла к совершенно постороннему человеку. Видимо, понятие «писатель» для нее синоним понятия «справедливость». Она пришла за справедливостью.

– Проходите, – пригласила я. – Раздевайтесь, пожалуйста...

Лида сняла пальто, туфли и осталась в шапке. Я достала ей тапки, она их не надела.

Мы прошли в комнату, я предложила Лиде сесть на диван. Она села на самый краешек, и я видела, что сидеть ей неудобно.

Она была смущена тем, что физически существует в моих стенах, поэтому старалась, чтобы ее было как можно меньше.

– Хотите чаю? – предложила я.

– Нет-нет... – перепугалась Лида.

Она смущалась так, что не могла поднять глаз. Ее скованность передалась мне, мы сидели в каком-то гипнотическом оцепенении, и у меня через минуту заболела голова.

– Я вас слушаю, – сказала я, с состраданием глядя на свою гостью. Я готова была помочь ей в чем угодно, чего бы она

от меня ни потребовала.

– Я на базе работаю... – начала Лида. – К нам болгарские помидоры привезли.

Я задумчиво покивала головой, как слон. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли болгарские помидоры. Я представила себе эти помидоры – некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

– Я недавно иду, смотрю, из-под шатра течет. Прихожу к Потякину, говорю: «Портится товар». А он говорит: «Спишем»...

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, и снова покивала головой, как бы осуждая беспечность Потякина.

– Я говорю: «Что значит «спишем»? Надо перебрать». А он мне: «Спишем, тогда переберем»...

Лида посмотрела на меня открытым взором, и я увидела, что она освободилась от смущения и что глаза у нее серые, а брови подтемнены карандашом.

Я попыталась разобраться в ситуации: перебрать – означало отложить все хорошие помидоры в одну сторону, а все плохие – в другую. Потом плохие выбросить, а хорошие продать как хорошие.

Потякин предлагал списать весь шатер, чтобы он нигде не числился, потом плохие выкинуть. Хорошие продать как хорошие, а деньги взять себе.

– Ворует, что ли? – догадалась я.

– Мошенничает, – поправила Лида.

Мошенник – это промежуточное состояние между честным и вором. Это еще не вор, но уже не честный человек.

– Вы хотите, чтобы я про него написала в газете? – догадалась я.

– Боже упаси! – испугалась Лида. – У него дети. Разве можно позорить отца взрослых детей?

– Но если он мошенник?

– А как вы это докажете? – спросила Лида, будто это я, а не она работала под началом Потякина. – Он так все обдѣлывает, у него комар носа не подточит.

– А что вы хотите? – прямо спросила я.

– Мне с ним работать противно, – уклончиво ответила Лида.

– Уходите.

– Куда?

– На другую базу. Не везде же воруют.

– Значит, я права и я уйду. А он останется...

До этого решения Лида могла бы додуматься самостоятельно. Не обязательно было ехать в такую даль.

– Может быть, его можно перевоспитать? – неуверенно предложила я.

– Он что, дошкольник? – спросила меня Лида. – Не понимает?

Я смутилась и сдвинулась на краешек дивана, а Лида, на-

оборот, села поудобнее.

– Значит, переделать его вы не можете. Позорить не хотите. Работать вам с ним противно, а уходить обидно, – подытожила я. – Что вы хотите?

Лида молчала. Она хотела, чтобы Потякин был честным человеком и ей приятно было бы с ним работать. Но это зависело не от нее и не от меня, а от Потякина.

Я чувствовала себя виноватой.

– И еще... – сказала Лида. – Меня муж обманул...

Я обрадовалась, что Лида дала мне вторую попытку, на которой я могла бы как-то реабилитироваться.

– Мы с ним не были расписаны, но жили вместе пятнадцать лет. Детей воспитывали. Мы так хорошо жили... А потом он влюбился в одну и расписался с ней. А мне ничего не сказал. Жил то тут, то там... Я только через полгода узнала. Спрашиваю: это правда? Он говорит: правда. Я говорю: ну и иди к ней.

– А он?

– Ушел. А сейчас обратно просится.

Лида посмотрела на меня. Ее глаза были будто вымыты страданием.

– Я хочу спросить: пускать мне его обратно или нет?

– Это вы сами должны решить, – убежденно сказала я.

Лида опустила глаза в колени.

– Вы его любите? – расстроилась я.

– Я ему больше не верю.

– Тогда не пускайте.

Лида сморгнула слезу.

– А вы можете без него обойтись?

Лида потрясла головой и вытерла щеку ладонью.

– Тогда пустите.

– Я боюсь, он у меня половину площади отберет. Я ему не верю.

– Тогда не пускайте.

Лида стянула шапку и сунула в нее лицо.

Я отошла к окну и стала смотреть на улицу. За окном виднелся детский сад, похожий на оштукатуренный мавзолей. Во дворе бегали дети в цветных веселых демисезонных пальтишках. А мы с Лидой решали и не могли решить ее проблемы: мошенничество Потякина, предательство мужа.

Может быть, надо бороться с мошенничеством и предательством, и это будет правда.

А может быть, устраниться и не играть в эти игры, и это тоже правда.

А может быть, смириться и оставить все как есть: работать с Потякиным, жить с мужем. И это будет правда с учетом судьбы и диалектики.

Если бы можно было разложить правды как помидоры: здоровые – в одну сторону, а гнилые – в другую. Но, откровенно говоря, выбирать Лиде не из чего, и, если пользоваться терминологией овощной базы, весь шатер течет и его надо списать.

– А вы не могли бы написать в газету, чтобы разрешили дуэли? – спросила Лида.

– А кого бы вы убили? – обернулась я.

– Я убила бы мужа.

– Но ведь и он бы вас мог убить.

– Да. Но тогда бы он видел это. И ему потом было бы стыдно. А так он меня убил, и ему хоть бы что... И вообще, никому ничего не стыдно. Потякин всегда пообещает и не делает. Я ему говорю: «Как же вам не совестно!» А он: «Извинюсь. Не расстреляют».

– Вы хотите, чтобы расстреляли?

– Ну, не совсем так уж... – смягчила Лида. – Чтобы все по правилам.

– По каким правилам? – заинтересовалась я.

Мне стало ясно, что дуэль – это не сиюминутный экспромт, а плод долгих Лидиных размышлений. Именно за этим она ко мне и приехала.

– Сначала заявление на дуэль, как в загс, – начала Лида. – Потом заявление должны разобрать и дать разрешение. Потом две недели на обдумывание. А уж потом дуэль.

– А стрелять где? На Лобном месте?

– Нет. На Лобном месте – это казнь. Насилие. А тут – кто кого, все по справедливости.

– Какая же справедливость в смерти? Смерть – это наивысшая несправедливость.

– Конечно, – согласилась Лида. – Умирать кому охота?

Вот и будут жить внимательнее.

– Внимательнее к чему?

– К каждому дню. К каждому поступку.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

– Ну что? – спросила Милка. Она проверяла, жива я или нет.

– Я не могу говорить, – строго сказала я и положила трубку с бесцеремонностью, дозволенной между близкими людьми.

– Я вас задерживаю... – Лида встала.

Я пошла ее проводить.

Лида надела пальто, туфли.

Мы стояли, оттененные какой-то покорной грустью. Я была погружена в Лидин план возмездия. Земного суда.

– Три года на обдумывание, – предложила я. – Две недели мало в таком деле...

– А как вы думаете, могу я поступить в «Аэрофлот»? – спросила вдруг Лида.

– Кем?

– Все равно. Хоть в диспетчерскую... Вы знаете, я небо люблю. Я все болезни высотой лечу.

– Как это?

– Куплю билет до Ленинграда. Самолет поднимется на восемь тысяч метров, у меня все проходит. Я, наверное, раньше птицей была.

Я внимательно-доверчиво посмотрела на Лиду, ища в ее

облике приметы птицы.

– Звоните, – сказала я.

Лида улыбнулась и ушла.

Я вернулась в комнату. Моя дочь сидела за пианино и тыркала в клавиши. Она училась в подготовительном классе музыкальной школы.

– Си-бемоль, – сказала я, поморщившись.

– Где?

Я подошла к инструменту и показала. Дочь нажала черную клавишу.

Может быть, подумала я, когда человеку трудно, не стоит искать смысла сразу всей жизни. Достаточно найти смысл сегодняшнего дня. А осмысленные дни протянутся во времени и пространстве и свяжутся в осмысленную жизнь.

Смысл сегодняшнего дня в том, что я научила дочь новому знаку, поправила маленькую ошибку. А завтра поправлю еще одну и научу не повторять предыдущих.

Я подошла к окну.

Лида уже пересекла дорогу и удалялась все дальше. Сейчас она свернет за угол, и ее шерстяная розовая шапка последний раз мелькнет в моей жизни.

Очень возможно, что Лида сейчас поедет в «Аэрофлот», купит билет до Ленинграда и поднимется на восемь тысяч метров.

Если облака не закроют землю, то внизу будут видны города, четкие ремни дорог и круглые озера величиной с пя-

тикопеечную монету.

А мужа и Потякина будет не видно совсем. Их не разглядеть, даже если очень напрячь зрение.

Потом я подумала, что, если бы мне дали разрешение на дуэль, я выбрала бы место у Красного собора, возле метро «Юго-Западная». За собором – поле, за полем – лес, над куполом – небо. Там очень красиво и возвышенно разрешать вопросы чести и не обидно приобщиться к вечности.

Между небом и землей

Наташа сидела в аэропорту, ждала сообщения о своем рейсе. Рейс все время откладывали: сначала на три часа, потом на четыре. Этим же самолетом улетал в Баку на гастроли болгарский цирк. Циркачи расположились вольно, как цыгане: на полу, на креслах. Вокруг них бегали промытые, расчесанные болонки, одного возраста и роста. Наверное, у них в программе был свой собачий кордебалет.

Мимо Наташи прошел высокий мужчина, чем-то отдаленно похожий на ее первого мужа. Времени было много, голова пустая, и от нечего делать Наташа вспомнила свое первое замужество. В другом случае она бы про него не вспомнила.

Они поженились, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два. И тут же разошлись. Ну, не совсем тут же. Месяцев восемь они все же прожили. Брак оказался непрочным. Как только схлынула страсть, обмелела их река, обнажилось дно, а на дне всякие банки-склянки, мура собачья. Они стали ругаться, ругались постоянно и из-за ничего. Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями, и наконец умерла. Но, разойдясь, еще долгое время продолжали встречаться и продолжали ругаться. Они не могли быть вместе и не умели быть врозь. Тема их ссор была примерно такова: Наташа считала мужа дураком, не способным соответствовать ее красоте. Ей казалось, что фактор красоты должен давать в жиз-

ни дополнительные преимущества, как, скажем, билет на елку или продуктовый талон к празднику. А муж говорил, что красота – явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой. А его способность к устойчивому чувству, именуемому «верность», – навсегда. Это не девальвируется временем. Так что он – муж на вырост. Сейчас немножко не годится, зато потом – в самый раз. Но в восемнадцать лет невозможно думать о потом. Жизнь представляется непомерно долгой, кажется, что всего еще будет навалом и все впереди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.